

**Отрывок из книги
«Ночные крылья»**

Старый юг рассказывает много историй - от самых добрых детских сказок до леденящих душу легенд. И все они сплетаются в причудливую вязь, ложась дорогой под ноги.

Но могло ли быть легко, когда два моих деда – генералы по разные стороны мексиканского залива, о матери говорят, что она ангел, спустившийся с небес, а о бабушке – что она самая настоящая волчья ведьма. Что из этого правда, а что вымысел не хочется даже думать.

Я точно знаю только одно, мой отец – законник и убийца, от чьего имени дрожат самые лихие бандиты с самого дна Батон Руж. И рано или поздно найдутся те, кто придет за ним, а значит и за его детьми.

Этого никогда не должно было случиться, но теперь мне самой придется встать на путь револьвера и назвать своим домом таинственное поместье «Гнездо» на окраине города - логово жестоких и беспринципных охотников и отпетых негодяев.

...

– Как ты мог так поступить, Иоаким! – ее голос звенел, словно надоедливая оса, когда тетушка мерила шагами гостиную, пытаясь распекать нашего отца. В тишине опустевшего дома молоточками стучали по полу ее каблуки, а черный веер трепетал в руках, словно летучая мышь.

– Почему ты не сообщил раньше? Ты лишил нас возможности попрощаться с родной сестрой, помочь тебе и детям. Выполнить свой христианский долг, в конце концов!

– Потому что тебе нечего было делать здесь, Дельфина. – Сухо ответил Гриф. Он явно не был настроен продолжать этот разговор. – И если у тебя все еще остались сомнения, я их развею. В этом доме тебе не рады.

Его темная фигура возвышалась посреди гостиной, он не двинулся, молча наблюдая за мечущейся по комнате женщиной. Любой разумный человек на ее месте давно бы убрался прочь, съездившись под тяжелым взглядом, но Дельфина была нестигаемой.

– После смерти моей сестры ты больше не имеешь права распоряжаться здесь, Санчас! А я, в конце концов, нахожусь в доме своего отца.

– Уже нет, Дельфина, – он не дал ей договорить, – я не стану напоминать тебе о завещании, но советую придержать язык и не злоупотреблять гостеприимством. – Она метнулась к нему и столкнулась с плотным облаком табачного дыма, от чего закашлялась, отмахиваясь веером. Но ее коронный обвинительный взгляд уже не мог произвести должного впечатления.

– Чьим гостеприимством, Иоаким? Двенадцатилетнего мальчишки? – она отгоняла от себя остатки дыма.

– А с чего ты решила, что не должна считаться с ним? С ним и со мной, раз уж так вышло. Пока мой сын не вырастет и не станет здесь полноправным хозяином.

– Ах вот оно что! – тетушка задохнулась от возмущения.

– Ты давно получила свою долю наследства и я готов добавить сверху, лишь бы ты убралась из Батон Руж сразу после церемонии.

– Как ты смеешь так говорить со мной? Ты... ты! – Дельфина, позабыв о всякой сдержанности, стукнула его в грудь кулаком с зажатым в нем веером. – Ты убийца и проходимец! Конечно же, я не задержусь здесь ни на минуту дольше, чем потребуется. Я прямо сейчас поднимусь наверх и помогу девочке собрать вещи!

Отец побагровел, на его щеках заиграли желваки, а Дельфина явно наслаждалась произведенным впечатлением.

Ее голос стал тише и проникновеннее, она перестала метаться по гостиной и уже без раздражения смотрела в глаза Грифу.

– Что тебя так удивляет, Иоаким? Не могу же я бросить на произвол судьбы бедную сиротку. В конце концов, это мой священный долг – позаботиться о ней после смерти ее несчастной матери.

Дельфина, кажется, лезла из кожи вон, чтобы вывести отца из себя, но он оставался непоколебим.

– Она ведь никто тебе, Санчас и будет только обузой. – Не унималась тетка, обращаясь к отцу таким снисходительным тоном, словно объясняла ребенку очевидные вещи.

– Девочка, сиротка, малышка... да ты хоть знаешь, как ее имя, Дельфина? Фрэнни моя дочь и останется здесь, со мной. Думаешь, я позволю, чтобы она стала твоим выгодным вложением в будущее, или утешением в одинокой старости? Залогом твоей добродетели, которую ты с таким усердием демонстрируешь при любой возможности? Я не дам тебе сломать ей жизнь,

превратив в такую же полоумную затворницу! Так что катилась бы ты, Дельфина, ко всем чертям вместе со своими аллилуйями!

– Однажды ты устанешь играть в героя, Иоаким, и обнаружишь, что понятия не имеешь, как управиться с подрастающей девицей. Но будет слишком поздно и бедная девочка окажется на улице вместо того, чтобы жить в любящей семье!

– Ты хоть понимаешь, что ты несешь? – Прорычал он над самым ее ухом, молниеносно, в пару шагов, сократив расстояние между ними.

Тетка только презрительно фыркнула и отвернулась, не позволяя себе выдать истинные чувства. Она медленно отошла к камину и, расправив юбки, уселась в одно из кресел.

– Хорошо, пусть здесь я перегнула палку, но подумай – какая жизнь ждет ее подле тебя? Как ни печально мне это признавать, но все наследие семьи Бланкар, которое имеет вес в городе – только этот дом и не более. Ни о положении в обществе, ни о состоянии никакой речи давно не идет. Единственное ценное, что нам осталось – это честь и доброе имя. Что скажут люди, если наша семья бросит девочку на произвол судьбы, оставив на попечение такому человеку как ты?

– И какой же, по вашему мнению, я человек? Договаривайте, мисс Бланкар. – Отец поморщился, с трудом скрывая отвращение от едкого запаха ладана и лаванды, исходящего от этой женщины. От самого ее присутствия.

Дельфина подняла на него свои бесцветные глаза, поджала губы и, со щелчком захлопнув веер, встала с кресла.

– Ты и сам все понимаешь, Иоаким, – ее голос едва заметно подрагивал, – не думаю, что стоит это обсуждать. Как и то, что девочка уезжает со мной в Атланту. Ты еще скажешь мне спасибо.

Она направилась к лестнице и, поднявшись на несколько ступеней, снова обернулась к отцу.

– Я настаивала бы на том, чтобы забрать и Мортимера, но здесь, боюсь, закон будет не на моей стороне.

Спокойствие быстро испарилось с лица Дельфины, когда она столкнулась с хищной улыбкой моего отца.

– В этом городе ты вообще можешь не рассчитывать на то, что закон будет на твоей стороне. Если ты хоть пальцем тронешь моих детей, то убедишься лично, что я мерзавец и убийца. Я забуду, как следует вести себя джентльмену и

доброму христианину, и спущу тебя с лестницы. И поверь мне, все законники города сойдутся во мнении, что это был несчастный случай.

Привычно бледное лицо Дельфины Бланкар стало пунцовым, она сверлила Грифа ненавидящим взглядом, но на этот раз так и не нашла, что ответить. Она хотела видеть в нем чудовище, а он не стал ее разочаровывать.

– Доброй ночи, Дельфина. Твои вещи доставят на вокзал завтра, сразу после церемонии.

***

Тучи плотно затянули небо и дождь зарядил с самого утра. Свет был настолько тусклым и серым, что в доме пришлось зажечь лампы, хотя солнце уже давно вошло над горизонтом. Я видела из окна, как подъезжают экипажи. В нашей гостиной наверняка сейчас был настоящий парад черных шляпок и вуалей.

Никогда не понимала этот мрачный маскарад. Все эти траурные наряды, приторный аромат цветов и свечного воска только множили печаль собравшихся. Это жутко злило меня, но я никогда не посмела бы высказать свое негодование. Пытаясь до последнего момента укрыться от людей, соблезнований и слез, я сидела наверху в своей комнате и слушала, как дом наполняется голосами. Брат настоял на том, чтобы сегодня везде сопровождать отца, они уехали еще до рассвета. Я же просто отказалась выходить, сославшись на головную боль.

Эльвира взяла на себя роль хозяйки дома, встречая гостей, принимая соблезнования и отдавая последние распоряжения немногочисленной прислуге. Пожалуй, я ей за это была даже благодарна. Время близилось к началу церемонии и я надеялась, что про меня попросту все забудут. Единственное, чего мне на самом деле хотелось – чтобы этот день поскорее закончился.

В дверь постучали. Едва я успела отозваться, как она распахнулась и в мою комнату вошла женщина – невысокая, чернокожая, с аккуратно прибранными волосами. На ней было простое платье нежно-персикового цвета и белоснежный передник. Я видела ее несколько дней назад хлопочущей на нашей кухне. Мы ни разу не разговаривали, но, похоже, благодаря именно ее заботе наша семья пережила последние пару недель. Я даже не задумывалась, откуда появляется горячая еда и чистая одежда – мысли были заняты совсем другим.

Женщина ловко подтолкнула дверь бедром и та закрылась. На подносе, который она держала в руках, возвышалась горка пышных блинчиков. Большому медному кофейнику, баночке джема и фарфоровой масленке

пришлось потесниться, чтобы вместить вазочку с незабудками. Кофейные чашки и блюдца стояли одна на одной, покосившись и едва втиснувшись на поднос.

– Как ваше самочувствие, мисс Фрэнни?

Она водрузила поднос на туалетный столик, подошла к кровати и коснулась губами моего лба. Я недоуменно уставилась на нее, она только улыбнулась в ответ и принялась наводить порядок – рассаживая по полкам заваливавшихся в моей постели кукол, собирая одежду, поправляя шторы и балдахин. По комнате плыл восхитительный аромат блинчиков и свежесваренного кофе. Он выманил меня из постели, я уселась за столик и принялась за еду.

– Надеялась застать здесь вашего брата, но этот сорванец уже куда-то пропал. – Сказала она, разделяваясь с пыльными кроликами под моей кроватью. Было неловко, да и попросту неудобно говорить с ней в таком положении, но ее это, похоже, ничуть не смущало. В отличие от меня.

– Он с самого утра с нашим отцом.

Я наклонилась вперед и, отвлекшись на разговор, посадила на сорочку пятно.

– «Достанется же мне!» – Мелькнуло в голове.

Убрать джем салфеткой не вышло, от моих стараний пятно становилось только больше.

– Чего ты так перепугалась, милая? – Не заметить мою суету было невозможно.

– Заканчивай с завтраком, а рубашку отдашь мне, я не такие пятна выводила.

Она придвинула стул и села рядом. Взяла вторую чашку и налила себе кофе.

– Раз уж ты сегодня завтракаешь в одиночестве, составлю тебе компанию!

Я оторопела от того, как непринужденно она вела себя, как говорила. А уж то, что она села завтракать вместе со мной выходило за все рамки приличия. Но, если быть честной, именно это сейчас и было мне нужно.

Я подняла, наконец, взгляд и пододвинула поближе к ней тарелку с блинами.

– Спасибо вам. Простите, но я...

– Миссис Брэдли, – перебила она, верно истолковав мое замешательство, и протянула мне руку. – Прости, дочка, привыкла, что меня все знают.

Спустя четверть часа и тарелку блинов мы уже болтали, как старые знакомые.

Я была особенно благодарна за то, что миссис Брэдли не говорила о смерти моей матери. Единственный раз она коснулась этой темы, порадовавшись, что такой тяжелый день мои отец и брат проводят вместе.

– Для всех так будет лучше, – сказала она, – им обоим сейчас не помешает, чтобы кто-то был рядом. Мужчины, даже если они еще малы, гораздо лучше понимают друг друга. И горе переживают по-своему.

Она говорила, слегка растягивая слова, словно рассказывала мне сказку или открывала какое-то особое знание. Я внимательно слушала ее тягучий теплый голос, совсем позабыв о чашке давно остывшего кофе. Мне впервые за последние дни было так хорошо и спокойно.

– Что здесь происходит, Франсин?

На пороге моей комнаты стояла Тетушка Дельфина. Она презрительно морщилась, переводя взгляд с меня на миссис Брэдли и обратно. Солнце светило ей в спину и ее сухощавая, высокая фигура отбрасывала в мою комнату длинную тень – черную, зыбкую, как и сама Дельфина. Словно не тень вовсе, а отражение в зеркале. Когда тетушка и ее двойник переместились в комнату, я резко встала из-за стола. Выпущенная из рук ложечка со звоном стукнулась о край чашки. Миссис Брэдли подхватила со стула и сделала шаг вперед, а я оказалась почти за ее спиной. Она нервно комкала край передника, но голову не опустила, отметив появление тетушки только коротким, довольно небрежным книксеном.

Дельфина в ответ лишь указала ей на дверь. Моя собеседница обернулась и вопросительно посмотрела на меня: «Только скажи – я останусь», – читалось в ее взгляде. Но я побоялась перечить тете.

– Смотрю, без участия твоей бедной матушки вам самим даже приличной прислуги не выбрать.

Дельфина стянула перчатки и вместе со своим черным веером бросила на столик, где только что стоял поднос с кофе и сладостями. Она брезгливо поморщилась, как от неприятного запаха и демонстративно распахнула окно. По спине побежали мурашки не то от проникшей в комнату прохлады, не то от присутствия этой женщины.

Стоило нам остаться наедине, не прошло и пары минут, как меня начало трясти от скрипучего голоса тетушки Дельфины, которым она принялась распекать меня.

– Никуда не годится, – причитала она, одно за другим доставая платья из моего гардероба.

Стоило бы мне задуматься, какие отношения имеют все эти вещи к сегодняшнему дню, ведь траурное платье у меня было одно.

Оно, чистое и отутюженное, висело на самом видном месте, его нельзя было не заметить. Все встало на свои места, когда следом за одеждой из шкафа показалась дорожная сумка и несколько шляпных коробок. Вот только я не верила своим глазам.

Куча одежды на моей кровати росла, однако, там не было и трети из всего имеющегося. Тетушка отбирала и укладывала платья по своему разумению. Пытаясь уловить, чем она руководствуется, я поняла только, что ее выбор пал на самую простую и скромную домашнюю одежду. Удивительно, но помимо этого, одобрение получила пара парадных платьев, самых красивых. Удовлетворенно оглядев плод своих трудов, Дельфина повесила на изгиб локтя мое траурное платье, закрыла дверцы гардероба и обратила своё внимание на меня.

– Со всем остальным справится черная служанка. Надеюсь, хотя бы на это у нее хватит ума. А нам с тобой пора поторопиться, Франсин. Скоро полдень, а ты все еще не готова. И сними, наконец, эту грязную рубашку, это кошмар! В моей юности за такое били розгами. Похоже, Сюзанна, упокой Господь ее душу, совершенно не занималась твоим воспитанием!

Эта женщина только что, ничего не объясняя, перевернула мою комнату вверх дном и продолжала вести себя так, словно в этом нет ничего странного. Ее игра давалась ей настолько естественно и легко, что не было ни малейшего сомнения в том, что она имеет полное право распоряжаться здесь. У меня не возникло и мысли остановить ее. Оставалось только отвернуться и тихо глотать слезы, пока она шнуровала мне платье.

– Вот так-то лучше!

Дельфина держала меня за руки, критически осматривая с ног до головы.

– Сомневаюсь, что в поезде в этом будет удобно, но придется потерпеть, юная леди. А теперь, пора спуститься к гостям. Осталось совсем немного времени до церемонии.

– Вы ничего не хотите объяснить мне, тетюшка Бланкар?

Она уже развернулась к двери, когда я, сама того не ожидая, схватила ее за руку. Причем, так крепко, что в глазах Дельфины промелькнул страх. Я невольно вздрогнула и ее ладонь рыбкой выскользнула из моей.

– Что ты себе позволяешь! – Вскрикнула она, брезгливо отдергивая руку. – Нечего здесь объяснять. Неужели тебе непонятно, что ты не можешь больше оставаться в этом доме? Это же ясно, как белый день!

Я отшатнулась вглубь комнаты, давая понять, что никуда с ней не пойду. Из глаз катились крупные слезы, но я не издала ни звука.

Тетушка Бланкар сверлила меня взглядом, глядя пренебрежительно сверху вниз.

– Немедленно прекратите истерику, юная леди!

Было заметно, насколько ей стало не по себе от моего тяжелого взгляда. Я молча сделала несколько шагов ей навстречу, от чего тетушка отшатнулась и прижалось спиной к двери.

– Я никуда не поеду, – тихо, отрывисто произнесла я.

От переживаний в горле пересохло и голос не слушался, словно я готова была разрыдаться.

Почувствовав мою неуверенность, Дельфина расправила плечи и лицо ее смягчилось, появилась мягкая улыбка. Тетушка подошла ближе и заключила меня в объятия.

– Моя бедная девочка, – её сухие руки гладили меня по волосам, по щеке, утирали прорвавшиеся наружу слезы, – ничего больше не бойся. Я не оставлю тебя в беде, мы ведь одна семья и должны держаться друг за друга. Я знаю, твоя матушка хотела, чтобы я позаботилась о тебе, когда её не станет. Чтобы мы позаботились друг о друге. И мы исполним её последнюю волю, правда? У Эльвиры своя семья, а у нас с тобой больше никого нет.

– А как же мой брат? – спросила я, неловко пытаюсь вывернуться из объятий и посмотреть ей в глаза. Дельфина обнимала меня, перебирая в пальцах мои волосы. Она говорила так ласково, что ей хотелось верить и, казалось, я готова была согласиться с ней во всем, пока мысли о брате не вернули меня в реальность.

– Пойми, милая, он член другой семьи и принадлежит своему отцу. К нашему счастью, на тебя власть этого человека не распространяется. К тому же, – она помедлила, еще крепче сжимая мои плечи. Словно боялась, что я сбегу. – Он сам сказал, что заботиться о тебе больше не намерен. Если ты не уедешь со мной, он отправит тебя в пансион.

– Неправда! – Вспыхнула я и оттолкнула от себя Дельфину так, что та потеряла равновесие. – Он не мог такого сказать!

– Маленькая дрянь! – зашипела она, крепко приложившись об угол моей кровати. – Прекрати эти крики, или ты хочешь, чтобы сюда сбежался весь дом? Твой отчим – подлец и убийца. Иоаким Санчас ужасный человек, что бы там себе не думала и я...

– Замолчите! Не смейте говорить так о моем отце!

– Он тебе не отец!

Дельфина, словно фурия, бросилась ко мне и, замахнувшись, решила добавить веса к своим словам.

Пощечина вышла сильной и звонкой. От ее удара моя голова запрокинулась назад. Я чудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Было больно, но гораздо сильнее меня обжигали обида и злость. Даже страха перед этой женщиной у меня больше не было.

– Вы пожалеете об этом. О каждом сказанном слове. Убирайтесь из моей комнаты и из нашего дома, иначе мой убийца-отец узнает обо всем.

Я потянулась к ней, к самому ее уху, чтобы она слышала каждое сказанное мной слово. Она попыталась оттолкнуть меня, но я каким-то чудом перехватила ее руку и крепко сжала тонкое запястье, впиваясь ногтями в ее сухую кожу, пока не почувствовала, как что-то теплое потекло вниз по моей кисти, пачкая манжеты платья.

Вывернувшись, Дельфина выскочила прочь из комнаты, оставив дверь нараспашку. Я заперла ее, закрыла окно и задернула шторы, забралась с ногами на кровать и только тогда в полной мере почувствовала накативший на меня ужас.

С большим трудом я успокоила колотящееся сердце и, насколько сумела, замыла кровь на платье. Что бы сейчас не произошло, нужно было спуститься вниз и попрощаться с матерью. Я посмотрела в зеркало и нервно усмехнулась. Вид у меня был испуганный, заплаканный и несчастный.

Вот теперь ни у кого не возникнет сомнений в моем трауре.

Жизнь моей матери с детства казалась мне чередой совпадений и странностей. Отчасти так оно и было.

Вот и в конце своего пути Сюзанна – прекрасный цветок, расцветший особняке Бланкар в Заливе Магнолий, отправлялась увядать на Кладбище Магнолий, в

самом сердце Батон Руж. Невольно думалось о том, что все действительно заканчивается.

Пройдет несколько месяцев и «чудный» климат Луизианы оставит от моей матери лишь голые белые кости.

В такие моменты люди, убитые горем, ищут утешения в вере. В надежде, что есть еще что-то там, за гранью. И мы все снова встретимся.

Глядя на прекрасное бледное лицо своей матери, мне хотелось, чтобы это был просто конец. Спокойный и прозаичный, где за гранью нет ничего.

Я любила свою мать, насколько была способна любить на тот момент, но наша с ней чуждость друг другу, кажется, не изжила бы себя даже в посмертии.

Я скучала по ней, она еще долго снилась мне ночами. Но после этих снов я просыпалась с колотящимся сердцем, чувством ошеломляющей тоски и пустоты, а еще стыда и вины перед ней, от которых я, пожалуй, не смогу избавиться никогда.